

Мамин-Сибиряк Дмитрий Наркисович

Лесная сказка

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-311.8
ББК 84-4
Д53

Д53 **Дмитрий Наркисович М.**
Лесная сказка / Мамин-Сибиряк Дмитрий Наркисович – М.: Книга по Требованию, 2026. –
36 с.

ISBN 978-5-519-95215-6

ISBN 978-5-519-95215-6

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2026
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2026

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг — не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель — вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания — решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

ЛѢСНАЯ СКАЗКА.

I.

рѣки, въ дремучемъ
лѣсу, въ одинъ пре-
красный зимній день

остановилась толпа мужиковъ,
пріѣхавшихъ на саняхъ. Подряд-
чикъ обошелъ весь участокъ и
сказалъ:

— Вотъ здѣсь рубите, братцы... Ельникъ
отличный. Лѣтъ по сту каждому дереву бу-
детъ...

Онъ взялъ топоръ и постучалъ обухомъ
по стволу ближайшей ели. Великолѣпное де-
рево точно застонало, а съ мохнатыхъ зеле-
ныхъ вѣтвей покатались комья пушистаго
снѣга. Гдѣ-то въ вершинѣ мелькнула бѣлка,
съ любопытствомъ глядѣвшая на необычно-

венныхъ гостей; а громкое эхо прокатилось по всему лѣсу, точно разомъ заговорили всѣ эти зеленые великаны, занесенные снѣгомъ. Эхо замерло далекимъ шопотомъ, будто деревья спрашивали другъ друга: кто это пріѣхалъ? Зачѣмъ?

— Ну, а вотъ эта старушка никуда не годится...—прибавилъ подрядчикъ, постукивая обухомъ стоящую ель съ громаднымъ дупломъ.—Она наполовину гнилая.

— Эй, ты, невѣжа, —крикнула сверху Бѣлка.—Какъ ты смѣешь стучать въ мой домъ? Ты пріѣхалъ только сейчасъ, а я прожила въ дуплѣ этой самой ели цѣлыхъ пять лѣтъ.

Она щелкнула зубами, распушила хвостъ и такъ зашипѣла, что даже самой сдѣлалось страшно. А невѣжа-подрядчикъ не обратилъ на нее никакого вниманія и продолжалъ указывать рабочимъ, гдѣ слѣдовало начать порубку, куда складывать дрова и хворостъ.

Что было потомъ, трудно даже рассказать. Никакое перо не опишетъ того ужаса, кото-

рый совершился въ какихъ-нибудь двѣ недѣли. Сто лѣтъ росъ этотъ дремучій ельникъ, и его не стало въ нѣсколько дней. Люди рубили громадныя деревья и не замѣчали, какъ изъ свѣжихъ ранъ сочились слезы: они принимали ихъ за обыкновенную смолу. Нѣтъ, деревья плакали безмолвными слезами, какъ люди, когда ихъ придавить слишкомъ сильное горе. А съ какимъ стономъ падали подрубленныя деревья, какъ жалобно они трещали!.. Нѣкоторыя даже сопротивлялись, не желая поддаваться ничтожному человѣку: они хватались вѣтвями за сосѣднія деревья во время своего паденія. Но все было напрасно: и слезы, и стоны, и сопротивленія! Тысячи деревьевъ лежали мертвыми, какъ на полѣ сраженія, а топоръ все продолжалъ свое дѣло. Деревья-трупы очищались отъ хвои, затѣмъ оголенные стволы разрубались на равныя части и складывались правильными рядами въ полѣнницы дровъ. Да, самыя обыкновенныя полѣнницы, которыя мы можемъ видѣть вездѣ, но не

всегда думаемъ, сколько живыхъ деревьевъ изрублено въ такую полѣвницу, и сколько нужно было долгихъ-долгихъ лѣтъ, чтобы такія деревья выросли.

Уцѣлѣла одна старая ель съ дупломъ, въ которомъ жила старая Бѣлка съ своей семьей. Подъ этой елью рабочіе устроили себѣ балаганъ и спали въ немъ. Цѣлые дни передъ балаганомъ горѣлъ громадный костеръ, лизавшій широкимъ, огненнымъ языкомъ нижнія вѣтки развѣсистаго дерева. Зеленая хвоя дѣлалась красной, тлѣла, а потомъ оставались одни обгорѣвшіе сучья, топорчившіеся, какъ пальцы. Старая Бѣлка была возмущена до глубины души этимъ варварствомъ и громко говорила:

— Для чего все это сдѣлано?.. Кому мѣшалъ красавецъ-лѣсъ? Противные люди! Нарочно придумали желѣзные топоры, чтобы рубить ими деревья... Кому это нужно, чтобы вмѣсто живого, зеленого лѣса стояли какія-то безобразныя полѣвницы? Не правда ли, старушка Ель?

— Я ничего не знаю и ничего не понимаю,—грустно отвѣтила Ель, вздрагивая отъ ужаса. —Мое горе настолько велико, что я не могу даже подумать о случившемся.. Лучше было погибнуть и мнѣ вмѣстѣ съ другими, чтобы не видѣть всего, что происходило у меня на глазахъ. Вѣдь всѣ эти срубленные деревья—мои дѣти. Я радовалась, когда они были молодыми деревцами, радовалась, глядя, какъ они весело росли, крѣпли и поднимались къ самому небу. Нѣтъ, это ужасно... Я не могу ни говорить, ни думать!.. Конечно, каждое дерево когда-нибудь должно погибнуть отъ собственной старости; но это совсѣмъ не то, когда видишь срубленными тысячи деревьевъ въ расцвѣтѣ силъ, молодости и красоты.

Люди, срубившіе деревья, почти совсѣмъ не говорили о нихъ, точно все такъ было, какъ должно быть. Они заботились теперь о томъ, какъ бы поскорѣе вывезти заготовленные дрова и уѣхать самимъ. Можетъ быть, ихъ мучила совѣсть, а можетъ быть, имъ

надоѣло жить въ лѣсу,—вѣрнѣе, конечно, послѣднее.

Къ нимъ на помощь явились другіе. Они въ нѣсколько дней сложили приготовленные дрова на воза и увезли, оставивъ одни пни и кучи зеленого хвороста. Вся земля была усыпана щепками и соромъ, такъ что зимнему вѣтру стоило большихъ хлопотъ засыпать эту безобразную картину свѣжимъ, пушистымъ снѣгомъ.

— Гдѣ же справедливость? — жаловалась Вѣтру старая Ель.—Что мы сдѣлали этимъ злымъ людямъ съ желѣзными топорами?

— Они совсѣмъ не злые, эти люди,—отвѣтилъ Вѣтеръ.—А просто ты многого не знаешь, что дѣлается на свѣтѣ.

— Конечно, я сижу дома, не шатаюсь вездѣ, какъ ты,—угрюмо замѣтила Ель, недовольная замѣчаніемъ своего стараго знакомаго.—Да я и не желаю знать всѣхъ несправедливостей, какія дѣлаются. Мнѣ довольно своего домашняго дѣла.

— Ты, Вѣтеръ, много хвастаешься,—замѣ-

тила, въ свою очередь, старая Бѣлка.—Что же ты можешь знать, когда долженъ постоянно летѣть, сломя голову, все впередъ? Потомъ ты дѣлаешь часто большія непріятности и мнѣ, и деревьямъ: нагонишь холоду, снѣгу...

— А кто лѣтомъ гонитъ къ вамъ дождевыя облака? Кто весною обсушить землю? Кто?.. Нѣтъ, мнѣ некогда съ вами разговаривать!—еще болѣе хвастливо отвѣтилъ Вѣтеръ и улетѣлъ.—Прощайте, пока...

— Самохвалъ!.. — замѣтила вслѣдъ ему Бѣлка.

Съ Вѣтромъ у лѣса велись искони непріятные счеты, главнымъ образомъ, зимой, когда онъ приносилъ страшный сѣверный холодъ и сухой, какъ толченное стекло, снѣгъ. Деревья къ сѣверу поворачивались спиной и тянулись своими вѣтвями на югъ, откуда вѣяло благодатнымъ тепломъ. Но въ густомъ лѣсу, гдѣ деревья защищали другъ друга, вѣтеръ могъ морозить только однѣ вершины, а теперь онъ свободно гулялъ по вырублен-

ному мѣсту, точно хозяинъ, и это приводило старую Ель въ справедливое негодованіе, какъ и Бѣлку...

II.

Наступила весна. Глубокій снѣгъ точно присѣлъ, потемнѣлъ и началъ таять. Особенно скоро это случилось на новой поруби, гдѣ весеннее солнце припекало такъ горячо. Въ густомъ лѣсу, обступавшемъ порубь со всѣхъ сторонъ, снѣгъ еще оставался, а на поруби уже выступали прогалины; снѣговая вода сбѣгала ручьями къ одному мѣсту, гдѣ подъ толстымъ льдомъ спала зимнимъ сномъ рѣчка Безымянка.

— Что вы меня будите раньше времени?— ворчала она.—Вотъ снѣгъ въ лѣсу стаетъ, и я проснусь.

Но ее все-таки разбудили раньше. Проснувшись, рѣка не узнала своихъ береговъ; вездѣ было голо, и торчали одни пни.

— Что такое случилось?—удивлялась Рѣч-

ка, обращаясь къ одиноко стоявшей старой Ели.—Куда дѣвался лѣсъ?

Старая Ель со слезами рассказала старой пріятельницѣ обо всемъ случившемся и долго жаловалась на свою судьбу.

— Что же я теперь буду дѣлать?—спрашивала Рѣчка.—Раньше лѣсъ задерживалъ влагу, а теперь все высохнетъ... Не будетъ влаги,—не будетъ и лѣсныхъ ключиковъ съ холодной водой. Вотъ горе!.. Чѣмъ я буду поить прибрежную траву, кусты и деревья? Я сама высохну съ горя...

А весеннее солнце продолжало нагрѣвать землю. Дохнулъ тепломъ первый весенній вѣтерокъ, прилетѣвшій съ теплаго моря. Набухли почки на березахъ, а мохнатые вѣтви елей покрылись мягкими, свѣтлыми почками. Это были молодые побѣги новой хвои, выглянувшіе зелеными глазками. Черезъ мокрый, почернѣвшій снѣгъ, точно изъѣденный червями, пробился своей желтой головкой первый Подснѣжникъ и весело крикнулъ тоненькимъ голоскомъ:

— Вотъ и я, братцы!.. Поздравляю съ весной!

Прежде въ отвѣтъ сейчасъ же слышался веселый шопоть елей, кивавшихъ своими вѣтвями первому весеннему гостю, а теперь все молчало кругомъ, такъ что Подснѣжникъ былъ непріятно удивленъ такимъ недружелюбнымъ пріемомъ.

Когда развернулась цвѣточная почка и Подснѣжникъ глянулъ кругомъ желтымъ глазкомъ, онъ ахнулъ отъ изумленія: вмѣсто знакомыхъ деревьевъ торчали одни пни; вездѣ валялись кучи хвороста, щепъ и сучьевъ. Картина представлялась до того печальная, что Подснѣжникъ даже заплакалъ:

— Если бы я зналъ, то лучше остался бы сидѣть подъ землей,—печально проговорилъ онъ, повертываясь на своей мохнатой ножкѣ.—Отъ лѣса осталось одно кладбище.

Старушка-Ель опять рассказала про свое страшное горе, а Бѣлка подтвердила ея слова. Да, зимой пріѣхали люди съ желѣзными топорами и срубили тысячи деревьевъ, а потомъ изрѣзали ихъ на дрова и увезли.